

От редколлегии

Предлагаемая вниманию читателей статья профессора, доктора исторических наук Валерия Ивановича Бовыкина (1927-1998 гг.), очевидно, была написана на рубеже 1980-х - 1990-х гг., однако она не потеряла своей актуальности и научной значимости. В современной западной исторической науке своеобразное второе рождение переживает сейчас концепция экономического развития дореволюционной России видного американского историка А.Гершенкрона, вызвавшая в свое время продолжительные дискуссии в советской и зарубежной историографии. Критическое осмысление этой теории, дополненное сравнительным анализом взглядов А.Гершенкрона, Т. фон Лауэ и И.Ф.Гиндина, позволило В.И.Бовыкину обоснованно интерпретировать многие спорные моменты индустриального развития России и сформулировать в сжатом виде свое понимание данной проблемы. Оригинальная и аргументированная концепция, четко обозначенные позиции В.И.Бовыкина несомненно вызовут интерес у современных специалистов по экономической истории России.

Статья из архива В.И.Бовыкина подготовлена к публикации И.В.Поткиной и С.А.Саломатиной.

В экономической истории России нет, наверное, другого вопроса, который вызывал бы столько споров, как вопрос об оценке пореформенной экономической политики самодержавия. Отражая в своих истоках реакцию современников на действия царского правительства, эти споры продолжались и после того, как те или иные правительственные меры заслонялись более злободневными проблемами. Важнейшие из этих мер, оказавшие длительное влияние на развитие страны, становились объектом ретроспективного исторического изучения. Если при оценке экономической политики самодержавия современниками во внимание принимался результат ее непосредственного воздействия на функционирование народного хозяйства страны и производственные отношения в обществе, то при историческом анализе все большее значение приобретал учет отдаленных и опосредованных последствий этой политики.

Споры о роли экономической политики правительства в индустриальном развитии России заняли заметное место в историографии последнего 30-летия как советской, так и зарубежной. Они продолжают и сейчас, что исключает возможность однозначного освещения проблемы и обуславливает необходимость отражения различных точек зрения. Однако сложность такого отражения состоит в том, что никто не может претендовать на абсолютную объективность при изложении чужих мнений. К тому же противоестественно излагать противоположные мнения, не выражая своего отношения к ним, т.е. не занимая какой-то позиции в происходящем споре. Не претендует ни на абсолютную объективность, ни на полную нейтральность и автор этих строк.

Следует также отметить, что накопившаяся историческая литература, посвященная различным вопросам экономической политики самодержавия во второй половине XIX в., слишком обширна, чтобы можно было при ее анализе избежать схематизации и упрощений.

Исследователи, занимавшиеся изучением пореформенной экономической политики царского правительства, давно обратили внимание на то, что высшая власть, тормозя процесс капиталистической эволюции аграрного строя страны ¹, в то же время способствовала развитию промышленности². Отметил это и П.И.Лященко в своем труде "История народного хозяйства СССР", как бы синтезировавшем основные результаты изучения экономической истории России в советской историографии к началу 1950-х гг. Он писал: "Вся народохозяйственная, податная, бюджетная, финансовая, кредитная политика государства, покровительствующая развитию капиталистической промышленности, вся внешнеторговая таможенная политика, железнодорожная тарифная политика, вся международная внешняя политика, все отношения с международным капиталом были направлены на цели защиты интересов буржуазии и развития капиталистической промышленности в стране. Но часто эти цели вступали в конфликт с классовой политикой самодержавия - с покровительством землевладельческому дворянству"³. Констатируя наличие такого конфликта, Лященко развел конфликтующие компоненты экономической политики правительства - аграрную политику и промышленную политику - не только по разным главам, но даже по разным томам своего труда. Охарактеризовав в заключительной главе первого тома

реформу 1861 г., он в главе "Государственное хозяйство и экономическая политика периода промышленного капитализма", помещенной во втором томе, уже не вернулся к аграрной политике. Говоря здесь о направлениях экономической политики правительства в 1860-1890-е гг., Лященко ведет речь о его отношении к железнодорожному строительству, о таможенной политике, государственном бюджете, поощрении промышленности и т.п., но совершенно не касается сельского хозяйства⁴. В его освещении пореформенная экономическая политика самодержавия носила вполне буржуазный характер, эволюционируя от фритредерства к протекционизму. Олицетворявший экономическую политику 1860-1870-х гг. министр финансов М.Х.Рейтерн "был убежденным сторонником частнохозяйственной деятельности и инициативы и противником государственного хозяйства, особенно, например, в области железнодорожного строительства, банкового дела и пр."⁵ Он способствовал строительству железных дорог, предоставляя частным железнодорожным обществам концессии и ссуды, поощрял организацию коммерческих банков и развитие черной металлургии⁶. Пришедший в 1881 г. на пост министра финансов Н.Х.Бунге был, по словам Лященко, "одним из наиболее видных проводников буржуазной экономической политики в России"⁷. Его сменил "ставленник буржуазии И.А.Вышнеградский (выдающийся инженер-механик, автор ряда солидных научных трудов)", который "продолжая осуществление задач укрепления "национальной системы" русского капитализма ...усиленно проводил политику привлечения иностранного капитала в русскую промышленность, усиления таможенного протекционизма, увеличения кредитных операций, укрепления устойчивости русской валюты"⁸. Наконец, "эта политика промышленного капитализма нашла наиболее законченное выражение в деятельности министра финансов С.Ю.Витте - крупнейшей фигуры среди "государственных деятелей" и царских министров за все последнее полувековье существования империи... В 90-х годах государственная экономическая политика приобретает наиболее законченное выражение интересов промышленно-капиталистического развития"⁹.

Лишь в конце главы Лященко вновь вспомнил о том, что "в России 90-х годов капиталистическое содержание все еще развивалось в старой, "самодержавной", помещичьей, полукрепостнической оболочке, сильнейшим образом тормозившей дальнейший ход капиталистического развития". Далее он продолжил: "В интересах промышленной буржуазии было возможно более скорое и полное уничтожение всякого рода крепостнических пережитков, препятствующих свободе капиталистического развития, уничтожение остатков полукрепостнических отношений в деревне, развитие товарности и увеличение емкости деревенского рынка. Интересы руководящей крепостнической части помещичьего класса шли по линии закрепления сословной изолированности крестьянства, сохранения его земельной тесноты и полукрепостнических способов эксплуатации"¹⁰.

Почему же руководящая консервативная часть помещичьего класса, олицетворявшаяся царским правительством, проводила политику промышленно-капиталистического развития? Свои ответы на этот вопрос предложили в 1950-1960-е гг. американские историки А.Гершенкрон и Т. фон Лауэ и советский историк И.Ф.Гиндин.

Гершенкрон интерпретировал экономическую политику царского правительства с позиций концепции "стадий экономической отсталости", выдвинутой им в начале 1950-х гг. для объяснения отличий в механизме индустриализации разных стран в зависимости от того, в какой степени в них созрели необходимые предпосылки для рывка в промышленном развитии. Отмечая, что "процесс индустриализации, распространившийся на отсталую страну, значительно отличался по сравнению с более передовыми странами"¹¹, он объяснял эти отличия действием "*учрежденческих инструментов*", выполнявших функцию заменителей недостающих предпосылок. Причем характер этих "*учрежденческих инструментов*" зависел от стадии относительной отсталости индустриализующей страны. При недостатке в ней капиталов роль заместителя играют банки. Этот вариант анализировался Гершенкроном на примере Германии. Если же отсталость была более глубокой, то для замещения недостающих предпосылок требовалось вмешательство государства. Типичный пример такой страны Гершенкрон увидел в России. Экономическая политика самодержавия представлялась ему главной движущей силой индустриального развития России: заменив недостаток в стране капиталов, рынка сбыта, рабочей силы и предприимчивости, она обеспечила возможность индустриализационного рывка, происшедшего в последнем 15-летии XIX века¹².

Была ли забота о развитии промышленности главным направлением экономической политики российского правительства? Создается впечатление, что Гершенкрон как бы противопоставлял два этапа пореформенной экономической политики самодержавия: с 1861 г. до середины 1880-х годов, когда ее основное содержание составляло осуществление реформы, и следующее 15-летие, опре-

деляющей чертой которого стал проводимый Вышнеградским и Витте курс на индустриализацию. В его трактовке экономическая политика на первом ее этапе создавала препятствия для индустриального развития, на втором - преодолевала их. Гершенкрон положительно оценивал факт отмены крепостного права в России¹³, но считал, что в России его значение было парализовано сохранением и даже укреплением общины¹⁴. Уточняя в полемике с И.Н.Олегиной свою точку зрения, он писал: "Я прежде всего утверждал..., что отмена крепостного права, чрезвычайно усиливая позиции общины, создавала в рамках аграрной реформы специфический фактор отставания, вызвавший замедление индустриального развития страны"¹⁵. Поэтому "аграрная реформа в целом явилась препятствием для индустриализации"¹⁶. Отсюда проистекало его убеждение в том, что "русский рынок (в развитии промышленности в 90-е годы XIX в. - В.Б.) фактически был результатом действий правительства, а не следствием аграрной реформы"¹⁷.

По мнению Гершенкрона, "творцы российской реформы рассматривали индустриализацию как явление нежелательное или вообще были к ней безразличны"¹⁸. Что же в таком случае побудило царское правительство в середине 1880-х гг. взять курс на индустриализацию? Как полагает Гершенкрон, "правительственная заинтересованность в индустриализации в значительной мере основывалась на его политике в военной области"¹⁹. Более того, "движимое своими военными интересами", российское государство "приняло на себя роль основного агента по ускорению экономического прогресса в стране"²⁰.

Толчок к этому Гершенкрон усмотрел в итогах русско-турецкой войны 1877-1878 гг. "Поражение России, хотя бы и дипломатическое, а не военное, после русско-турецкой войны и признание того, что страна все еще не занимает твердой позиции перед лицом западной военной мощи, вновь навязанное российским государственным деятелям, - пояснял он в своих лекциях "Европа в русском зеркале", - были, конечно, основными мотивами в развертывании великого рывка российской индустриализации"²¹. А "основным рычагом политики ускорения индустриализации" стало "железнодорожное строительство государства", принявшее с середины 1880-х гг. "беспрецедентные размеры"²². Эта политика осуществлялась за счет сельского хозяйства и прежде всего на средства, полученные в результате ограбления крестьянства. "Индустриальный прорыв, наблюдавшийся в России в последнем десятилетии века, произошел в условиях тяжелого кризиса сельского хозяйства. В некоторой степени кризис был обусловлен тем обстоятельством, что финансирование индустриализации и снабжение сельскохозяйственными продуктами городов, а также экспорт этих продуктов оказались возможны за счет конфискации крестьянского дохода и в некоторой степени за счет истощения капитала..."²³. "Российское государство под водительством Вышнеградского и Витте заключило крестьян в мощные тиски. Оно предоставило сельское хозяйство самому себе... Основной принцип правительства заключался в том, чтобы конфисковать большую часть выпуска продукции крестьянского хозяйства, вместо того, чтобы предпринять активные шаги на пути подъема этого выпуска"²⁴. "Противоречие между прогрессирующим промышленным сегментом экономики и относительно стагнирующим сельскохозяйственным сегментом" заключало в себе "опасность плохих последствий разного рода"²⁵. В конечном итоге произошло "истощение платежеспособности сельского населения" и "терпению крестьянства пришел конец"²⁶. Этим Гершенкрон объясняет экономический кризис начала 1900-х гг. и революцию 1905 г. Такова в общих чертах предложенная им схема "великого рывка" 1890-х годов.

Те же, в основном, черты характеризуют и гораздо более детальную картину индустриализации России в конце XIX в., нарисованную в работах фон Лауэ²⁷. Так же как и Гершенкрон, фон Лауэ пришел к выводу, что рост российской промышленности являлся результатом экономической политики правительства, представляя собой своеобразную "революцию извне", что центральным направлением этой политики был курс на индустриализацию, что такое направление находилось в противоречии с аграрной политикой и осуществлялось за счет деревни, что побудительным мотивом курса на индустриализацию послужили великодержавные внешнеполитические соображения, что его рычагом стало железнодорожное строительство. Имелись, разумеется, и отличия, но не в главном, а преимущественно в акцентах и деталях. Если, например, Гершенкрон связывал курс на индустриализацию с именами Вышнеградского и Витте, то фон Лауэ видел в нем результат эволюции экономической политики государства после 1861 г. Кульминацией этой эволюции, по его мнению, стала система Витте, но ее основы были заложены его предшественниками²⁸.

Трактовка Гиндиным пореформенной экономической политики и механизма российской индустриализации существенно отличалась от представлений Гершенкрона и фон Лауэ, хотя, на первый взгляд, в их основе лежала одинаковая исходная идея. Ведь Гиндин тоже придавал первостепенное значение роли государства в индустриальном развитии России после отмены крепостного права. В поощрении роста крупной промышленности и утверждения капитализма в

народном хозяйстве страны он видел важнейшую функцию экономической политики самодержавия. Именно на основе изучения последней им была предложена концепция "государственного капитализма" в России, как феномена насаждения капитализма полукрепостным государством. Но в отличие от Гершенкрона и фон Лауэ, Гиндин не рассматривал аграрное и промышленное направления экономической политики правительства как альтернативные, взаимоисключающие. Наоборот, он обратил внимание на их взаимосвязь и органическое единство²⁹.

Характеризуя пореформенную экономическую политику российского государства в своем труде "Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861 - 1892 годы)", Гиндин писал: "Классовая природа самодержавия определяла, что одной из важнейших целей экономической политики правительства являлось возможно более длительное сохранение полукрепостнических отношений в деревне. И в то же время сохранение и укрепление политического господства крепостников-помещиков в период капитализма было возможно лишь при условии экономического роста страны, движения ее вперед по пути капитализма. Более того, само продление исторического существования полукрепостнических латифундий стало возможным лишь путем их совмещения с капиталистическим развитием страны и некоторой перестройки этих латифундий на капиталистический лад". Вот почему "при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царского правительства способствование капиталистическому развитию стало главным ее направлением"³⁰.

Изучив и проанализировав экономическую политику правительства в 1861-1892 гг., Гиндин показал, что уже тогда способствование капиталистической перестройке сельского хозяйства и прежде всего помещичьих латифундий посредством форсирования железнодорожного строительства и насаждения тех отраслей промышленности, без которых последнее не могло обойтись, стало неотъемлемым компонентом этой политики. Отметив, что "государственная поддержка железнодорожного строительства не являлась особенностью России", что "во всех капиталистических странах (кроме Англии) в период создания сети железных дорог правительства оказывали частным обществам значительную финансовую поддержку", Гиндин констатировал: "В России в 60-х - 70-х годах сложилась своеобразная система частного железнодорожного хозяйства с самым широким государственным участием и всесторонней поддержкой железнодорожных дельцов ради создания в кратчайший срок сети дорог"³¹. Вместе с тем "с конца 1860-х годов главным направлением государственного вмешательства в области промышленности становится форсирование создания и развития "железнодорожной промышленности" (транспортного машиностроения и рельсового производства), а также предприятий военной промышленности... В отношении других отраслей промышленности государственное вмешательство ради систематического форсирования их развития не проводилось"³². Исключение составляла поддержка казенными средствами отдельных дельцов-учредителей, деятельность которых, по мнению высших правительственных чиновников, имела "государственное значение"³³.

В целом, как писал Гиндин, "при стихийных процессах "усиленного роста капитализма снизу" насаждение его сверху имело в широком историческом плане второстепенное значение. По самой своей сущности прямое государственное вмешательство локализовалось в отдельных отраслях, сосредоточивалось на немногих предприятиях. Поэтому при исследовании конкретных фактов приходится говорить не о насаждении капитализма вообще, а о насаждении отдельных отраслей или отдельных предприятий". К тому же меры царского правительства "ускоряя в некоторых отношениях капиталистическое развитие России... усиливали его противоречия, создавали дополнительные препятствия этому развитию"³⁴. С этими наблюдениями Гиндина резко контрастировал его вывод о том, что "вынужденное сделать главным направлением своей экономической политики развитие капитализма, царское правительство оказывало определенное влияние на его ускорение"³⁵. Подобное противоречие в оценке экономической политики самодержавия, в какой-то мере отражавшее диалектическую противоречивость ее содержания, мы находим и в последующих работах Гиндина при разъяснении им его концепции "государственного капитализма". Так, в статье "Государственный капитализм в России домонополистического периода" он писал: "Государственный капитализм в конкретных условиях пореформенной России, с ее сильнейшими крепостническими пережитками и многоукладной экономикой практически способствовал ускорению развития капитализма. Однако это лишь частично возмещало задержки в росте капитализма в России по сравнению со странами, где буржуазная революция ликвидировала остатки феодализма и домонополистический капитализм развивался в условиях "свободной конкуренции". Российский госкапитализм был рассчитан не только на ускорение экономического развития страны, но и на дальнейшее сохранение крепостнических пережитков"³⁶.

Концепции Гершенкрона - фон Лауэ и Гиндина оказали настолько большое влияние на последующую разработку проблемы - первая - в западной историографии, а вторая - в советской, что эта разработка, как мне представляется, пошла по пути их верификации. Причем такая верификация происходила как бы параллельно: в западной историографии проходила проверку концепция Гершенкрона и фон Лауэ, в советской - концепция Гиндина.

Долгое время западные исследования в большей своей части игнорировались в СССР. Если они и удостоивались здесь внимания, то, как правило, для выражения несогласия и обвинений в искажении исторической действительности³⁷. Атмосфера идеологической войны накладывала свой отпечаток и на отношение западных историков к советским исследованиям. Это проявлялось, в частности, в их стремлении дистанцироваться от результатов советских исследований³⁸. Однако и советские и западные историки разрабатывали, по существу, одни и те же научные проблемы.

Пожалуй, никем, даже среди последователей Гершенкрона, не был воспринят без тех или иных оговорок его тезис об отсутствии в пореформенной России предпосылок индустриального развития, обусловившем особую роль государства, политика которого должна была выполнять функции заместителя этих предпосылок. Авторы ряда работ, опубликованных еще в первой половине 1960-х гг., - У.Хендерсон, Г.Эллисон, Р.Порталь, не отрицая тормозящего влияния общины, все же, в отличие от Гершенкрона, считали, что реформа 1861 г. способствовала модернизации российской деревни и тем самым - созданию условий для роста промышленности³⁹. Это мнение получило солидное обоснование в последующей литературе, благодаря исследованиям У.Блэквелла, М.Фэлкуса, А.Милварда и С.Сола, Ю.Палло, П.Гетрелла, Р.Рудольфа и др.⁴⁰ Они показали, в частности, что предпосылки индустриализации стали складываться еще до реформы 1861 года.

Пониманию взаимодействия объективных и субъективных факторов индустриализации способствовало эмпирическое изучение конкретных процессов экономического и, в частности, промышленного развития страны (динамики роста производства, национального дохода, накоплений, эволюции отраслевой и региональной структуры народного хозяйства, развития кредита, торговли, транспорта), существенный вклад в которое внесли Р.Голдсмит, Д.Вествуд, Р.Порталь, О.Крисп, А.Каган, У.Блэквелл, П.Грегори, К.Байт, П.Гетрелл и др.⁴¹ Оно показало, что подъем железнодорожного строительства начался не с середины 80-х годов XIX в., а еще с конца 60-х годов, что начало роста промышленности также неправильно датировать 80-ми годами, что структура российской промышленности, в которой преобладали текстильные и пищевое производства, свидетельствует об ошибочности утверждения о том, будто в России ведущую роль в процессе индустриализации играла искусственно насаждавшаяся тяжелая промышленность, что темпы роста национального дохода и капиталонакопления были выше, чем это предполагалось, что мнение Гершенкрона о низкой производительности российского сельского хозяйства не подтверждается полученными данными, что высокий уровень инвестирования произведенного совокупного продукта не может быть объяснен лишь государственным вмешательством, что масштабы государственного финансирования промышленности были ограниченными, что, с другой стороны, непроизводительные расходы государства, будучи слишком велики, тяжелым бременем ложились на народное хозяйство страны, и многое другое.

Вместе с тем уже с конца 1960-х годов стала высказываться прямая или косвенная критика основного положения концепции Гершенкрона - фон Лауэ о решающей роли экономической политики царского правительства в индустриализации России. Тезис об искусственном характере индустриального развития России подверг сомнению И.Барель. "При таком видении, - писал он, - главным фактором русского развития становится государство, а история русского развития сводится тогда к хронике промышленной политики"⁴².

А.Каган, не отрицая важной роли царского правительства в индустриализации России, усматривал ее, во-первых, в содействии развитию внутреннего транспорта, и, во-вторых, в создании условий для притока иностранного капитала в российскую промышленность. Он отмечал, что "расходы на строительство железных дорог были единственной крупной статьей правительственных расходов на индустриализацию". По сравнению с ними правительственные субсидии промышленности были невелики и к тому же "крайне неравномерны". Это "оказывало вредное воздействие на экономику, которая развивалась неравномерно"⁴³. Что касается привлечения иностранного капитала, ради которого был введен в России золотой стандарт, то оно, по мнению Кагана, достигалось слишком дорогой ценой. Но, как полагал Каган, это был, по-видимому, единственно возможный путь индустриализации страны при сохранении в ней политического режима, являвшегося главным

препятствием для ее промышленного развития⁴⁴. В итоге роль экономической политики государства в освещении Кагана выглядела скорее отрицательной, чем положительной.

Дж.МакКей увидел позитивное значение экономической политики царского правительства лишь в создании условий для иностранного предпринимательства. Опровергая утверждения о якобы осуществлявшейся высшей властью индустриализации России он писал: "Непосредственно сооружение железных дорог и субсидирование частного железнодорожного строительства, составлявшие важнейшую сферу производительной деятельности правительства между 1880 и 1900 гг., т.е. в период наибольшего размаха строительства, поглотило немногим более миллиарда рублей. Эта сумма не превышала доход правительства от таможенных сборов за ввоз чая, кофе, алкогольных напитков, соли и селедки в указанные годы. Иначе говоря, государство израсходовало за данный период на железнодорожное строительство не более 5% своего бюджета. Между тем это была единственно крупная статья его расходов на цели индустриализации"⁴⁵.

Свое несогласие с положениями концепции Гершенкрона выразили в дальнейшем также П.Грегори и П.Гетрелл - авторы наиболее обстоятельных исследований, освещающих процессы экономического развития пореформенной России⁴⁶.

Следует отметить, что мнения критиков концепции Гершенкрона, возражавших против тех или иных ее положений, были далеко не идентичны, что получило, в частности, выражение в споре по вопросу о значении введения золотого обращения в России, вспыхнувшем на страницах *"Journal of Economic History"* в 1970-е гг. Опубликованная здесь статья Х.Баркая, поддерживавшего идею Кагана о чрезмерной цене введения золотого стандарта в России, вызвала полемические отклики И.М.Драммонда, а также П.Грегори и Дж.Сейлорса, обративших внимание на уязвимость его аргументации⁴⁷.

Сомнения в обоснованности концепции Гершенкрона - фон Лауэ породило и изучение социальных аспектов российской индустриализации и прежде всего изучение предпринимателей и предпринимательства в России, получившее в 1960-1980-е гг. на Западе широкий размах. Его результаты отражены во многих книгах и статьях: Дж.МакКея, Т.Оуэна, А.Рибера и др.⁴⁸ Они показали, что политика правительства по отношению к буржуазии была противоречивой, так как, способствуя обогащению отдельных дельцов, она препятствовала формированию класса в целом, что процесс формирования российской буржуазии шел по преимуществу естественным путем и дал наибольшие результаты в тех отраслях и регионах, где меньше ощущалось непосредственное вмешательство властей. Названные выше историки отмечали, что существенным элементом этого процесса явилась иммиграция предпринимателей из-за границы, наблюдавшаяся задолго до введения в России золотого стандарта, поскольку иностранный капитал привлекали сюда не столько меры правительства, сколько возможности рынка⁴⁹.

В итоге, как мне представляется, схема Гершенкрона - фон Лауэ не выдержала экзамена эмпирических исследований.

Верификация концепции Гиндина советскими исследователями шла в двух направлениях. Первое составляло изучение объективных процессов капиталистического развития России и ее индустриализации во второй половине XIX в.: отделения промышленного производства от сельского хозяйства⁵⁰, становления промышленности в индустриально-отсталых районах, а также в отраслях, не пользовавшихся особой заботой царского правительства⁵¹, утверждения машинной индустрии⁵², эволюции организационных форм промышленного предпринимательства⁵³, формирования буржуазии⁵⁴. Это изучение подтвердило наблюдение Гиндина об ограниченном, локальном и преходящем характере непосредственного насаждения царским правительством некоторых видов промышленного производства, составлявшего характерную черту российской индустриализации, показав спонтанный, естественный характер возникновения большинства отраслей промышленности и развития промышленного предпринимательства в России. Оно выявило также новые доказательства того, что политика государства, способствуя становлению отдельных отраслей промышленности и создавая условия для ее развития в целом, вместе с тем сковывала, ограничивала свободу этого развития.

Второе направление верификации концепции Гиндина - непосредственное исследование экономической политики царского правительства. Среди порожденных им работ особый интерес в

данном контексте представляет книга Л.Е.Шепелева "Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики" (Л., 1981), а также написанные Б.В.Ананьичем главы об экономическом развитии пореформенной России и экономической политике царского правительства в коллективном труде "Кризис самодержавия. 1895-1917" (Л., 1984)⁵⁵.

Характеризуя торгово-промышленную политику царизма Шепелев пишет: "Промышленная модернизация России осуществлялась царским правительством ради достижения главной цели - поддержания государственного статуса страны при условии сохранения политического режима (самодержавия) и его классовой опоры - поместного дворянства... Идея заключалась в том, чтобы замедлить и смягчить капиталистическое перерождение деревни и дать дворянству возможность приспособиться к новым условиям... Решая задачу промышленного развития страны, царское правительство стремилось не только ускорить его, но и направить (в желательном направлении) в условиях сохранения и в экономической, и в политической сферах жизни страны множества пережитков крепостничества, задерживавших органическое развитие экономики на капиталистической основе. В своих крайних проявлениях эта политика обычно квалифицировалась как искусственное насаждение крупной промышленности"⁵⁶. Но прямое насаждение промышленности представляло, по мнению Шепелева, "скорее экстраординарное направление торгово-промышленной политики царского правительства"⁵⁷. Что же касается осуществлявшейся последним поддержки промышленного развития, то она "была необходима в России как средство хотя бы отчасти нейтрализовать отрицательное воздействие на это развитие множества неблагоприятных факторов и в первую очередь крепостнических пережитков в экономической и политической сферах жизни"⁵⁸.

Трактовка промышленной политики царизма Ананьичем во многом совпадает с характеристикой Шепелева. Но, на мой взгляд, они не идентичны. "Уроки поражения в Крымской войне, - пишет Ананьич, - заставили русское самодержавие ради сохранения своего могущества и влияния в Европе взять курс на ускоренное развитие промышленности. Это определило общий характер экономической политики правительства в пореформенный период"⁵⁹. Рассматривая политику Витте как наиболее последовательное воплощение этого курса, он вместе с тем отмечает: "Экономическая политика Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России системы государственного управления. Консерватизм "системы" Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества самодержавия... Проводившееся Витте государственное вмешательство в экономику часто оправдывалось необходимостью поддержки неокрепшей еще частной инициативы, однако в действительности оно далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений в стране... Политика поощрения промышленного развития проводилась при известной консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве и при высоком напряжении платежных сил населения, особенно крестьянства"⁶⁰.

Таким образом, согласно концепции, Гиндина, важнейшие положения которой были подтверждены Шепелевым, поощрение царизмом промышленности являлось производным и подчиненным элементом его политики сдерживаемой капиталистической перестройки экономических отношений в стране, проводимой в интересах постепенной буржуазной трансформации старого господствующего класса помещиков и помещичьего государства. В освещении же Ананьича поощрение промышленного развития, осуществлявшееся при консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве и за его счет, выглядит главным направлением экономической политики царского правительства. Это больше похоже на концепцию Гершенкрона - фон Лауэ.

На основе эмпирического изучения проблемы взаимодействия субъективных и объективных, внутренних и внешних факторов индустриализации российской экономики и ее обсуждения в советской и зарубежной научной литературе мной предлагается следующая версия истории индустриального развития России во второй половине XIX в. в связи с экономической политикой царизма.

Россия относилась к числу стран, вступивших на путь капиталистического развития в то время, когда капитализм, утвердившийся в нескольких европейских государствах, стал определять генеральное направление мирового исторического процесса, формируя ту историческую среду, в которой происходило развитие остальных территорий Европы и всего мира. Капиталистическая эволюция этих стран представляла собой результат сложного взаимодействия закономерностей развития, имманентных их общественным структурам и давлению мирового капитализма.

По мере международной экспансии капитализма и превращения его во всеохватывающую мировую систему, активизации на этой основе торговых и финансовых связей различных государств, складывания международного разделения труда и формирования мирового рынка, взаимодействие общественных структур, находящихся на разных уровнях экономического и политического развития, становится все более важным фактором исторического процесса. Для стран, вступивших первыми на путь капиталистической эволюции и индустриализации, значение внешних факторов определялось наличием окружающей их менее развитой среды, которая могла служить объектом колонизации, торгово-промышленной экспансии и вывоза капиталов. Большую роль играла, разумеется, и конкуренция между ними. Передовые индустриальные государства в своем развитии ориентировались на использование отставших стран в качестве рынка сбыта промышленных товаров, источника сырья и продовольствия, сферы приложения капиталов. Но с другой стороны, отставшие страны, приобщаясь к мировому капитализму, могли воспользоваться "примером и помощью" тех, кто находился в его авангарде.

Естественно, что отношения передовых государств со странами, составлявшими периферию мировой капиталистической системы, во многом зависели от того, насколько велика была разница в уровнях их развития. В этом смысле исходная идея Гершенкрона о том, что индустриализация стран, находящихся на разных стадиях отсталости не должна происходить одинаково, совершенно справедлива и плодотворна. Так же как и наблюдение фон Лауэ об активной роли государства в том случае, когда индустриализация осуществляется "извне", под давлением окружающей среды.

Однако, как справедливо отмечал Гиндин в полемике с фон Лауэ, государство играло активную роль в утверждении капитализма и в тех странах, которые первыми встали на путь капиталистического развития⁶¹. Поэтому точнее, пожалуй, сказать, что чем позднее страна приобщалась к капитализму, тем многообразнее становились функции государства. В Великобритании они в основном ограничивались способствованием первоначальному накоплению капитала и обеспечением правовых, социальных и политических условий его расширенного воспроизводства, в том числе таможенной защитой зарождающейся промышленности от иностранной конкуренции. Тем самым была создана благоприятная почва для индустриализации, и государству не было необходимости непосредственно вмешиваться в ее ход.

В странах Западной Европы, последовавших за Великобританией, и в США государству пришлось дополнительно взять на себя в той или иной форме заботы по созданию сети железных дорог. На периферии Европы, в том числе в России, а также в Японии, государство оказалось вынуждено заниматься также привлечением иностранного капитала и даже форсированием становления отдельных отраслей промышленности.

Эти отличия отчасти объясняются тем, что отставшие страны вовлекались в развитие мирового капитализма на все более высоких его стадиях: утверждение капиталистических отношений на Западе Европейского континента произошло, когда в Великобритании завершался промышленный переворот, а в Восточной Европе - в эпоху машинной индустрии.

Но есть здесь и другая сторона вопроса. Первоначально утверждение капитализма было результатом победивших буржуазных, революций, вносящих более или менее радикальные изменения в общественные отношения. Однако в условиях, когда развитие капитализма и его распространение на все новые страны приобрело необратимый характер, перестройка феодальной общественной структуры приобщавшихся к нему стран оказалась возможна эволюционным путем при сохранении политической власти за старым правящим классом, взявшим на себя инициативу капиталистических преобразований, и при постепенной трансформации феодальной монархии в буржуазную.

Именно этим путем в результате реформы 1861 г. пошла Россия. Оказавшись к концу 1850-х гг. перед выбором - либо приспособиться к неумолимо развивающемуся, капитализму, разлагающему извне и изнутри феодально-крепостническую систему, либо утратить свои экономические и политические позиции - правящие круги российского дворянства предпочли первое. Пожертвовав крепостным правом, они попытались спустить на тормозах стихийный процесс ломки феодальных и утверждения капиталистических отношений, дозируя его, введя в определенные рамки, с тем чтобы дворяне, постепенно перестроив свои хозяйства на капиталистический лад, могли сохранить принадлежащую им земельную собственность и господствующее положение в обществе.

Реформой 1861 г. была создана малоподвижная и внутренне противоречивая система. Сохранение крепостнических пережитков в экономике, обеспечивавшееся внеэкономически всей мощью государственного аппарата самодержавия, находилась в вопиющем противоречии с потребностями общественного развития. Оно сковывало процесс капиталистической эволюции народного хозяйства. Между тем буржуазная перестройка помещичьих латифундий, представлявшая собой единственный путь к сохранению помещиками своих экономических и политических позиций, могла быть осуществлена лишь при условии капиталистической эволюции всего народнохозяйственного организма. В этих условиях царское правительство, с одной стороны, сдерживало процесс развития капитализма, чтобы он не приобрел масштабы, угрожающие насильственной ломкой помещичьего землевладения, а с другой – предпринимало специальные меры, преследующие целью обеспечение капиталистической эволюции народного хозяйства в той степени, в какой это было необходимо для перевода помещичьих латифундий на капиталистические рельсы. Охраняя всеми доступными средствами многочисленные препятствия на пути капиталистического развития страны, отвлекая львиную долю внутренних накоплений из сферы народного хозяйства на непроизводительные расходы, необходимые для поддержания помещичьего землевладения и политической власти помещиков, самодержавие вместе с тем оказалось вынуждено пойти на форсирование развития некоторых отраслей экономики страны, без которых не мог обойтись правящий класс. Важнейшей из таких отраслей было железнодорожное строительство, призванное удовлетворить нужды товарищующихся помещичьих хозяйств, а также обеспечить экономические, политические и стратегические интересы российского государства.

При масштабах Российской империи создание железнодорожной сети, связывающей земледельческие районы с крупнейшими городами и вывозными портами, представляло собой грандиозную задачу. Строительство и эксплуатация железных дорог предъявили огромный спрос на изделия тяжелой индустрии. В 1860-х гг. все, что было необходимо железным дорогам – рельсы, рельсовые скрепления, стрелки, металлоконструкции для мостов, станционное оборудование, вагоны, паровозы – ввозилось из-за границы. Но долго так продолжаться не могло. Во второй половине 1860-х гг. торговый баланс России, имевший ранее ярко выраженный активный характер, стал пассивным. Причем отрицательное сальдо быстро возрастало. За пятилетие 1872-1876 гг. оно уже составило почти полмиллиарда рублей. Только благодаря иностранным займам удавалось производить заграничные платежи.

С конца 1860-х гг., придерживаясь в своей таможенной политике в целом умеренно-протекционистского курса, царское правительство начинает проводить серию мер по насаждению производства рельсов и подвижного состава⁶². В результате к середине 1870-х гг. производство паровозов и товарных вагонов в России превысило их ввоз. Было налажено и производство рельсов, но главным образом железных, которые уже не соответствовали возросшему уровню путевой техники. В 1876-1877 гг. в дополнение к старым мерам правительство предприняло новые меры по увеличению выпуска паровозов и вагонов отечественными заводами и созданию условий для развития в России производства стальных рельсов. К началу 1880-х гг. российское машиностроение стало удовлетворять более 3/4 потребности железных дорог в подвижном составе, а стальные рельсы отечественного производства почти полностью вытеснили импортные. Но поскольку рельсы производились преимущественно из заграничного чугуна, его импорт возрос.

Таким был первый этап пореформенной промышленной политики царизма, когда она преследовала цель насаждения и форсирования роста производства лишь некоторых, наиболее важных предметов железнодорожного спроса, без наличия которых нельзя было строить и эксплуатировать железные дороги. Я не без колебаний употребил слово "политика", поскольку под ним в данном случае подразумеваются сугубо практические меры, принимавшиеся царским правительством под давлением обстоятельств. Записка министра финансов М.Х.Рейтерна 1866 г. и ее обсуждение в Комитете финансов и Совете министров показали, что у царского правительства не было перспективной программы действий и все его помыслы сводились к поискам выхода из постоянного бюджетного дефицита. Единственно ясной представлялась автору записки назревшая потребность в железнодорожном строительстве. В развитии промышленности он видел лишь средство преодоления финансовых затруднений, причем в отдаленной перспективе⁶³.

Участившиеся во второй половине 1860-х гг. случаи возникновения банков и промышленных компаний напугали власть. В начале 1870-х гг. правительство приняло меры, затруднившие банковское и акционерное учредительство. В своем "Финансовом духовном завещании" 1877 г. Рейтерн советовал не форсировать более промышленное развитие и, ограничив создание новых предприятий, сосредоточиться на поддержании уже существующих⁶⁴. Однако подъем

железнодорожного строительства и промышленного производства конца 1870-х - начала 1880-х гг. внес в эти предначертания свои коррективы.

1880-е гг. в экономической истории России - во многом еще неясный, загадочный период. Внешне - это почти застой, т.к. динамика экономической жизни ощущается слабо. Но в глубине явно происходят серьезные, качественные сдвиги. В начале 1880-х гг. завершается реализация реформы 1861 г. Царское правительство в конце 1881 г. издало закон об обязательном выкупе временнообязанных крестьян к 1 января 1883 г. Одновременно были снижены выкупные платежи, а затем отменена подушная подать. По оценке Н.М.Дружинина, данные меры правительства "при всей их ограниченности послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экономической формации"⁶⁵. В 1880-е гг., как показали исследования И.Д.Ковальченко и Л.В.Милова, сложился всероссийский аграрный товарный рынок⁶⁶. Тогда же, согласно наблюдениям А.С.Нифонтова, стали проявляться первые результаты капиталистической перестройки земледельческого производства: повышение урожайности зерновых, рост товарного производства зерна, изменение его географии (резкое увеличение сборов на юге России и падение их в центре)⁶⁷.

Рост промышленного производства в 1880-е гг. был крайне вялым. Но и здесь происходила структурная перестройка: завершался промышленный переворот, рождались новые индустриальные районы - Донецкий и Бакинский.

Следует также напомнить, что к 80-м годам XIX в. был создан основной костяк железнодорожной сети в Европейской России.

Именно в 80-е годы в правящих кругах России постепенно складывается убеждение в необходимости содействия развитию промышленности, как одному из важнейших направлений экономической политики⁶⁸. Тем временем в условиях кризиса начала 1880-х гг. и последовавшей за ним длительной депрессии практические заботы правительства сводились к тому, чтобы поддерживать созданные отрасли промышленного производства. Вместе с тем, воспользовавшись сложившейся ситуацией, чтобы добиться "водворения" в России производства рельсов из отечественных материалов, оно отказало в 1884 г. в поддержке передельным заводам и резко повысило ввозные пошлины на чугун.

Таким образом, сугубо практические меры правительства по форсированию роста отдельных производств перерастали в политику содействия развитию, распространявшуюся на основные отрасли тяжелой промышленности. Но теперь выясняется, что нельзя развивать только избранные отрасли промышленности, не поощряя ее развитие в целом. В результате с конца 1880-х - начала 1890-х гг. самодержавие от насаждения отдельных, особо привилегированных и таможенной защиты некоторых, менее покровительствуемых отраслей переходит к политике широкого поощрения развития промышленности вообще. Эта политика нашла свое выражение в таможенном тарифе 1891 г., завершившем создание системы усиленного протекционизма. Последняя в дальнейшем была дополнена мероприятиями, направленными на привлечение иностранных капиталов в российскую промышленность.

Таблица на следующей странице, дающая представление о динамике роста промышленного производства в России во второй половине XIX в. и его отраслевой структуре, позволяет судить о степени воздействия и результатах промышленной политики царского правительства. На конец 1860-х гг., к которому относятся первые попытки правительства воздействовать на промышленное развитие, более 2/3 стоимости продукции обрабатывающей промышленности приходилось на текстильное производство - отрасль, сложившуюся еще в дореформенное время в крайне неблагоприятных условиях крепостного права без содействия властей, лишь при весьма умеренной таможенной защите. Согласно подсчетам Г.Р.Наумовой, основанные до конца 1860-х гг. хлопчатобумажные предприятия составляли более 1/3 заведений, действовавших в этой отрасли на 1900 г.⁶⁹.

Отраслевая структура российской промышленности свидетельствует об ее естественном развитии и органической связи со всем народным хозяйством страны. Самыми крупными ее отраслями были текстильная и пищевая, рост которых являлся непосредственным результатом капиталистической эволюции сельского хозяйства. Рост пищевой промышленности, включавшей мукомольное, сахарорафинадное, маслобойное, спиртоводочное и табачное производства, свидетельствовал о

прогрессе торгового земледелия в России. А развитие текстильной промышленности, где главную роль играло работавшее преимущественно на импортном сырье хлопчатобумажное производство, основным потребителем продукции которого было сельское население, говорило о далеко зашедшем процессе общественного разделения труда. Вместе с тем обращает на себя внимание значительная доля - около 40% стоимости всей промышленной продукции - отраслей, производивших средства производства. Особенно бурным был рост машиностроения, черной и цветной металлургии, добычи угля и нефти. Лишь некоторые из этих отраслей пользовались прямой поддержкой правительства, но все они так или иначе были связаны с развитием транспорта, прежде всего железнодорожного.

Рассмотренные данные лишний раз подтверждают неоднократно высказывавшееся мнение о том, что содействие железнодорожному строительству было основным рычагом ускоряющего влияния российского государства на развитие промышленности. Они подтверждают также обоснованность критики утверждений об искусственном насаждении промышленности царским правительством за счет стагнации сельского хозяйства вопреки естественным тенденциям экономической эволюции. Напротив, действия самодержавия были, в сущности, обусловлены этими тенденциями, они отвечали объективным потребностям хозяйственной жизни. В частности, железнодорожное строительство и развитие обслуживавших его отраслей промышленности способствовали прогрессу сельскохозяйственного производства. Беда заключалась в том, что, вступив на путь капиталистических преобразований, самодержавие стремилось ограничить, затормозить свободное движение по этому пути, создав массу препятствий для развития капитализма. В результате ему самому приходилось прилагать усилия, когда требовалось привести в движение отдельные элементы этой заторможенной системы. Иначе говоря, меры правительства по поощрению развития отдельных отраслей народного хозяйства представляли собой как бы оборотную сторону общей экономической политики сдерживания капиталистической эволюции в целом. И в этом смысле Россия не была исключением. Как констатировали И.Беренд и Д.Ранки, в результате сравнительного анализа процессов индустриального развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, применительно к этим странам "своеобразным следует считать не то, что государство, вмешавшись в экономику, стало движущей силой индустриализации, а скорее, пожалуй, то, что его вмешательство послужило не созданию условий индустриализации, то есть с точки зрения индустриализации было не косвенным, а направлялось на подъем самой промышленности, то есть в неблагоприятных условиях развития понадобились самые непосредственные меры по развитию и поддержке промышленности"⁷⁰. (См. Табл.1)

Примечания

1 По этому вопросу историки, кажется, довольно единодушны. Во всяком случае среди них мало тех, кто не отмечал бы крепостнического характера реформы 1861 г. и последующей аграрной политики царизма. Различия проявлялись лишь в понимании того, что составляло главную крепостническую черту реформы. Историки-марксисты видели ее в сохранении помещичьего землевладения. В их работах указывается на то, что эта реформа не осуществила радикальной чистки феодальных порядков, сохранила экономические привилегии и политическое господство помещиков. В западной немарксистской историографии важнейший тормозящий фактор обычно усматривался в сохраненной реформой общине. Вместе с тем отмечалась и недостаточность предоставленных крестьянам наделов, чрезмерная тяжесть возложенных на них платежей, что препятствовало развитию крестьянских хозяйств и сельскохозяйственного производства вообще.

2 Меры царского правительства, способствовавшие развитию промышленности, были хорошо описаны еще в дореволюционной литературе.

3 Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. II. С. 175-176.

4 Там же. С. 174-198.

5 Там же. С. 177.

6 Там же. С. 177-179.

7 Там же. С. 180.

8 Там же. С. 182.

9 Там же. С. 184.

10 Там же. С. 215.

11 Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 7.

12 Основные положения концепции А. Гершенкрона были сформулированы в статье: Economic Backwardness in Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Countries / Ed. by B. Hoselitz. Chicago, 1952. Они получили развитие в ряде других статей, которые были суммированы в одноименной книге 1962 г., куда упомянутая выше статья вошла в качестве первой главы. В дальнейшем А. Гершенкрон неоднократно выступал с разъяснением своей концепции. См. его книги: "Continuity in history and other essays" (Cambridge, 1968) и "Europe in the Russian mirror" (Cambridge, 1970), а также статьи в "Soviet Studies" (1973. № 2; 1977. № 4), в которых он полемизирует с И.Н.Олегиной, автором ряда работ, критически анализировавшей концепцию А. Гершенкрона.

13 "Освобождение крестьян, несмотря на его разнообразные несовершенства, было абсолютной предпосылкой для индустриализации" (Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 19. См. также P. 8, 17).

14 Ibid. P. 120.

15 Soviet Studies. 1973. № 2.

16 Ibid.

17 Soviet Studies. 1977. № 4. P. 504.

18 Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 119.

19 Ibid. P. 19.

20 Ibid. P. 17, 130.

21 Gershenkron A. Europe in the Russian Mirror. P. 122.

22 Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 19.

23 Ibid. P. 36.

24 Ibid. P. 125.

25 Ibid. P. 129.

26 Ibid. P. 132.

27 Это мое мнение не претендует на новизну. Аналогичное наблюдение давно уже сделал П.Грегори. См.: Gregory P.R. Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1977. Bd. 25. Heft. 2. S. 209-210.

28 Сжатое изложение концепции Т. фон Лауэ содержится в статьях, опубликованных им в 1953-1955 гг. См.: Th.H. von Laue. The High Cost and the Gamble of the "Witte System" // Journal of Economic History. 1953. Vol. 3. № 4; Idem. Einige politischen Folgen der Wirtschafts-planung um 1900 // Forschungen zur Osteuropfischen Geschichte. 1954. Bd. 1; Idem. Die Revolution von Aussen als erste Phase der Russischen Revolution con 1917 // Jahrbuchen fur Geschichte Osteuropas. 1955. Bd. 4. Heft. 2. Итогом исследования Т. фон Лауэ стала его монография "Sergei Witte and the Industrialization of Russia" (N.Y. and L., 1963).

29 Взгляды И.Ф.Гиндина и результаты проведенных им исследований изложены в его книге "Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892)" (М., 1960) и в серии статей "Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства" (Исторические записки. 1950. Т. 35); "К вопросу об экономической политике царского правительства в 60-е - 80-е годы XIX века" (Вопросы истории. 1959. № 5); "Государственный капитализм в России домонополистического периода" (Там же. 1964. № 9); "Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX - начале XX вв." (Исторические записки. 1969. Т. 82); "Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ" (История СССР. 1971. № 4); "Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности, конец XIX - начало XX вв." (Исторические записки. 1981. Т. 105) и др.

30 Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. С. 17-18.

31 Там же. С. 40-41.

32 Там же. С. 44-45.

33 Там же. С. 45, 270-311. Типичной такой фигурой был В.А.Кокорев - учредитель Волжско-Камского банка, а также целого ряда железнодорожных, пароходных и промышленных компаний.

34 Там же. С. 23.

35 Там же. С. 401.

36 Гиндин И.Ф. Государственный капитализм в России... С. 94.

37 Эта функция породила особый жанр советской исторической литературы и авторов, специализирующихся в этом жанре. Впрочем, такой же подход проявлялся и в тех случаях, когда сами историки-исследователи обращались к анализу западных публикаций. В этом смысле весьма характерным примером является оценка, данная концепции Т. фон Лауэ И.Ф.Гиндиным, чей высокий профессионализм и научная объективность не вызывают сомнений. Несмотря на множество точек соприкосновения с этой концепцией, И.Ф.Гиндин весьма решительно отверг ее, обвинив автора в том, что он "приносит историческую достоверность в жертву некоторым своим предвзятым идеям" См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. С. 206.

38 Об этом свидетельствуют не только многие западные рецензии на советские работы, но и монографии, авторы которых охотно отмечают вклад советских исследователей в разработку конкретного исторического материала, но редко признаются в согласии с ними в общих наблюдениях, в их влиянии на выработку авторской концепции. Предпринимавшиеся на Западе попытки историографического анализа проблемы подтверждают это впечатление, отмечая автономию осмысления процессов индустриального развития России западными и советскими историками и даже своеобразное "разделение труда", сложившееся между ними вследствие фундаментальных различий в понимании механизма исторической динамики. См.: Falkus M.E. The Industrialization of Russia. 1700-1914. L., 1972; Gregory P.R. Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research.

39 См.: Henderson W.O. The Industrial Revolution on the Continent. Germany, France, Russia. 1800-1914. L., 1961; Ellison H.I. Economic Modernization in Imperial Russia: Purposes and Achievements // Journal of Economic History. 1965. № 4; Portal R. The Industrialization of Russia // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI. Pt. 2. Cambridge, L., etc. 1965.

40 См.: Blackwell W.L. The Beginning of Russia's Industrialization. 1800- 1860. Princeton, 1968; Idem. The Industrialization of Russia. An Historical Perspective. № 4. 1970; Falkus M. Op. cit.; Milward A.S., Saul S.B. The Development of the Economies of Continental Europe. 1850-1914. L., 1977; Pallet J. Agrarian Modernisation on Peasant Farms in the Era of Capitalism // Studies in Russian Historical Geography / Ed. by J.H.Bater and R.A.French. Vol. 1. L., 1983; Gatrell P. The Tsarist Economy 1850-1917. L., 1986; Rudolph R.L. Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // Journal of Economic History. 1985. № 1.

41 Goldsmith R.W. The Economic Growth of Tsarist Russia. 1860-1913 // Economic Development and Cultural Change. 1961. № 9; Westwood J.N. History of Russian Railways. L., 1964; Portal R. Op. cit.; Crisp O. Russia. 1860- 1914 // Banking in the Early Stages of Industrialization / Ed. by R.Cameron, N.Y., L., 1967; Kahan A. Government Policies and the Industrialization of Russia // Journal of Economic History. 1967. № 4; Idem. Capital Formation During the Period of Early Industrialization in Russia, 1890-1913 // The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. Pt. 2. Cambridge, L., etc. 1978; Blackwell W.L. Op. cit.; Gregory P.R. Economic Growth and Structural Change in Tsarist Russia: A Case of Modern Economic Growth? // Soviet Studies. 1972. Vol. 23. № 3; Idem. Some Empirical Comments on the Theory of Relative Backwardness: The Russian Case // Economic Development and Cultural Change. 1974. № 4; Idem. Russian National Income. 1885-1913. Cambridge, etc. 1985; White C. The Impact of Russian Railway Construction on the Market for Grain in the 1860-s and 1870-s // Russian Transport. A Historical and Geographical Survey / Eds. by L.Symons and C.White. L., 1975; Getrell P. Op. cit.

42 Barel Y. Le developpement economic de la Russie tsariste. P., La Haye. 1968. P. 245.

43 Kahan A. Government policies... P. 467.

44 Ibid. P. 470-477.

45 McKay J. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885-1913. Chicago, L., 1970. P. 9.

46 Gregory P.R. Russian National Income. 1885-1913. P. 123-124, 137-138, 148-149, 176-177, 193; Gatrell P. The Tsarist Economy. 1950-1917. P. 189-191.

47 Barkai H. The Macroeconomics of Tsarist Russia in the Industrialization Era: Monetary Developments the Balance of Payments and the Gold Standard // Journal of Economic History. 1973. № 2; Drummond I.M. The Russian Gold Standard, 1897-1914 // This Journal. 1976. № 3; Gregory P., Sailors J.W. Russian Monetary Policy and Industrialization. 1861-1913 // This Journal. 1976. № 4.

48 McKay J.P. Pioneers for Profit; Idem. Foreign Businessmen, the Tsarist Government and the Briansk Company // Journal of European Economic History. 1973, № 2; Idem. Elites in Conflict in Tsarist Russia: the Briansk Company // The Reich, the Well Born and the Powerful and Upper Classes in History / Ed. by F.C.Jaher. Urbana, Chicago, L., 1973; Idem. Entrepreneurship and the Emergence of the Russian Petroleum Industry, 1813-1883 // Research in Economic History. 1983. Vol. 8; Idem. Baku oil and Transcaucasian Pipelines, 1883-1891: A Study in Tsarist Economic Policy // Slavic Review. 1984. № 4; Owen T.C. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants. 1855-1905. Cambridge, etc. 1981; Idem. The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867-1905 // Journal of Economic History. 1985. № 3; Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

49 О роли иностранного предпринимательства в России, кроме упомянутых выше работ МакКея, см.: Mai J. Das deutsche Capital in Russland, 1850-1894. B., 1970; Carstensen F.V. American Enterprise in Foreign Markets: Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill, L, 1984; Rauber H. Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitrag zur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexportes und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760-1917). Zurich, 1985; Kirchner W. Die deutsch Industrie and die Industrialisierung Russlands, 1815-1914. St. Katharinen, 1986.

50 См.: Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е - 80-е годы XIX в.). М., 1966; Он же. Утверждение капитализма в России. 1850- 1880 гг. М., 1978; он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; и др.

51 См.: Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795- 1861). Минск, 1966; Он же. Промышленность Белоруссии, 1860-1900. Минск, 1975; Бочанова Г.А. Обработывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX - начало XX в. Новосибирск, 1978; Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60-е - 90-е годы XIX в. Грозный, 1973. Меркис З. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969; Ортабаев Б.Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце

XIX - начале XX в. Орджоникидзе, 1978; Хоштарна Э.К. Очерки социально-экономической истории Грузии: Промышленность, города, рабочий класс. XIX - начало XX вв. Тбилиси, 1974; и др.

52 См.: Деревянкин Т.И. Промышленный переворот на Украине. Киев, 1975; Мельник Л.Г. Технический переворот на Украине в XIX в. Киев, 1972; Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990; и др.

53 См.: Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861 - 1917). М., 1982; Дьяконова И.А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980; Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880-1890 гг. Л., 1974; Нетесин Ю.Н. Промышленный капитал Латвии (1860-1917 гг.). Рига, 1980; Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы - 1918 г. М.-Л., 1965; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973; и др.

54 Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М., 1974; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975; и др.

55 Кроме того, см.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875- 1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос (1861 - 1917 гг.). М., 1972; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М., 1975; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; и др. В 60-80-е годы было опубликовано также большое число работ, освещающих аграрную политику царизма во второй половине XIX в.

56 Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 21-24.

57 Там же. С. 25.

58 Там же.

59 Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 30.

60 Там же. С. 43-44.

61 См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ.

62 Подробнее об этих мерах см.: Bovykin V.I. Probleme der industriellen Entwicklung Russlands // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland / Geyer D.(Hrsg.). Köln, 1975.

63 См.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. С. 102-106.

64 Там же. С. 107-108.

65 Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861-1880 гг. М., 1978. С. 265.

66 См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XIX - начало XX вв. М., 1974. С. 187-196, 381.

67 См.: Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974.

68 См.: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 годы). С. 53-73; Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 135-157.

69 Наумова Г.Р. Хлопчатобумажная промышленность России в начале XX в. (амортизатор отрасли) // Монополистический капитализм в России. М., 1989. С. 4.

70 Беренд И.Т., Ранки Д. К вопросу о промышленной революции в Восточной и Юго-Восточной Европе // *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1970. № 62. С. 167.